

Джеймс Скотт и Александр Чаянов: от крестьян через революции к государствам и анархиям¹

Александр Никулин

Кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации; директор Чаяновского исследовательского центра,
Московская высшая школа социальных и экономических наук.
Адрес: пр-т Вернадского, д. 82, г. Москва, Российская Федерация, 119571
E-mail: harmina@yandex.ru

В данной статье дается систематическое сравнение научного мировоззрения и основных исследовательских идей американского политического антрополога Джима Скотта и российского экономиста-аграрника Александра Чаянова в связи с их совпадающими интересами в изучении крестьянских революций, государственных систем и анархистских взглядов на жизнь. Отталкиваясь от рассмотрения некоторых сходств и различий их интеллектуальных биографий, осуществляется переход к сравнительному анализу концепции возникновения первых автаркических государств древности Джима Скотта и абстрактных экономико-математических моделей государств-островов Александра Чаянова. Обращение к проблемам противоречий и провалов в проектах преобразования природы и общества государственных бюрократий Нового времени в исследованиях как Скотта, так и Чаянова подчеркивает большой интерес обоих ученых к возможностям использования анархистских эпистемологических и политических идей для развития научной теории и политической практики взаимодействия общества и государства. Доказывается, что оба ученых, не являясь ортодоксальными анархистами, выступающими за полное исчезновение государства, полагают, что Левиафан государственности невозможно, да и, пожалуй, не нужно уничтожать. Тем не менее и Скотт, и Чаянов в своих исследованиях постоянно ставят вопросы о способах ограничения и ослабления власти бюрократии через развитие различных форм негосударственной общественной жизни, связанных с анархическими идеями самоорганизации, спонтанности и свободы.

Ключевые слова: Скотт Дж.С., Чаянов А.В., крестьянство, революция, государство, бюрократия, человеческий капитал, автаркия, анархия, утопия

К сравнительной характеристике социальных взглядов и направлений исследований Александра Чаянова и Джима Скотта

Александра Чаянова и Джима Скотта их оппоненты часто определяют как одних из ведущих представителей идеологии народничества или популизма (Bernstein, Byres, 2011). Надо признать, что само это понятие чрезвычайно обширно и до сих пор остается нечетким и довольно размытым. В отношении Чаянова и Скотта, как правило, подразумевается, что оба критикуют капитализм за неумеренную поляризацию общества на бедных и богатых, а социализм — за перманентную экспансию авторитарной бюрократии. Скептически относясь к капиталистическому

---

1. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

рынку и государственной бюрократии, Чаянов и Скотт исследуют альтернативные пути социального развития, связанные с идеями самоорганизации снизу, органичной трансформации традиционных семейных и общинных форм социальной жизни в современные формы самоуправляющихся ассоциаций и кооперативных организаций общества как самостоятельной третьей силы между рынком и государством (Uleri, 2019). В итоге со стороны ортодоксально политизированных оппонентов как справа, так и слева в адрес обоих ученых часто раздаются упреки в мелкобуржуазных иллюзиях, анархическом сентиментализме и популизме.

Здесь, конечно, стоит упомянуть и определенную личностную преемственность в мировоззрении двух ученых. Сам Скотт неоднократно подчеркивал в своих исследованиях и выступлениях, что Чаянов является одним из его любимых авторов, чья теория крестьянского хозяйства и крестьянская утопия оказали значительное воздействие на его собственные крестьяноведческие интеллектуальные изыскания (Scott, 1976: 14-15). В рабочем кабинете в Йельском университете профессор Скотт с благоговением хранит портрет Александра Чаянова, подаренный ему сыном ученого Василием. Более того, Джим Скотт, увлекающийся живописью, сам написал портрет Чаянова².

Возвращаясь к теме навешивания ярлыков популизма на работы обоих ученых, заметим, что Александр Чаянов и Джим Скотт, будучи в целом внепартийными интеллектуалами левой ориентации, в собственных самохарактеристиках всегда дистанцировались от однозначных «-измов», включая популизм, хотя действительно много и плодотворно занимались изучением разнообразных форм семейных и локальных («мелкобуржуазных») экономик, а также способов негосударственных («анархических») форм организации общества. Вместе с тем они никогда не были абсолютными противниками рынка и государства, и в своих исследованиях уделяли достаточно внимания важной роли этих институтов в жизни общества.

Значительный интеллектуальный вклад Чаянов и Скотт внесли в изучение *пограничной социальной динамики взаимодействия* вне рыночных, негосударственных форм и институтов с институтами рынка и государства. Так, например, чаяновские исследования теории и практики сельскохозяйственной кооперации и общественной агрономии как раз и являются таким образцом анализа особого институционального поля взаимодействия между крестьянством, с одной стороны, и рынком и государством, с другой. А оригинально обоснованные Скоттом понятия «моральной экономики», «оружия слабых», локального знания «метиса», жизненных практик так называемых безгосударственных стран и народов — «зо-мия» и «варваров», а также повседневного анархизма дали многое для понимания динамики пограничного взаимодействия архаичных и современных негосударственных социальных форм с древними и современными социальными институтами государств.

---

2. Этот портрет работы Скотта планируется поместить на обложку готовящегося сейчас к изданию в Англии сборника переводов избранных произведений А. В. Чаянова.

Чаянов и Скотт в своих исследованиях вторглись на территорию изучения основ организации собственно самих государств. Чаяновская критика так называемой политики просвещенного абсолютизма, обоснование экономико-математической модели автаркического государства-острова, эскиз политэкономической модели государственного коллективизма, разработка организационных планов крупных советских государственных агропредприятий — совхозов, так же как и историко-антропологическая реконструкция Джимом Скоттом особенностей возникновения первых государств, образцов государственной политики «высокого модернизма» в области экологии и налогообложения, аграрных и градостроительных реформ Нового и Новейшего времени — все это свидетельствует об их стремлениях создавать собственные аналитические версии развития многоукладных и многополярных социальных миров человечества.

В своей первой широко известной монографии «Моральная экономика крестьянства» Скотт глубоко проанализировал логику поведения крестьян стран Юго-Восточной Азии в процессах модернизации традиционных сообществ под натиском капитализма и государства в XX веке именно с учетом «Теории крестьянского хозяйства» Чаянова (Scott, 1976). В двух своих последующих монографиях «Оружие слабых» (Scott, 1985) и «Доминирование и искусство сопротивления: скрытые послания» (Scott, 1990) он детально рассмотрел рутинные формы сопротивления гнету различных правящих слоев не только крестьян, но и других разнообразных подвластных социальных классов. Эти две работы еще более укрепили авторитет Скотта как крупнейшего исследователя форм массового, «обывательского» (в целом не политического и отнюдь не героического) сопротивления, на уровне скрытых или двусмысленных посланий и действий, различных подчиненных своим разнообразным начальникам: крестьян — помещикам и чиновникам, слуг — хозяевам, солдат — офицерам.

В 1990-е годы Скотт кардинально меняет оптику своих исследований. От изучения повседневных форм изворотливого терпения народов под гнетом властных элит он обращается к логике функционирования и экспансии собственно государств на примере их амбициозных бюрократических планов. Книги «Благими намерениями государства» (Скотт, 2005) и «Против зерна. Глубинная история древнейших государств» (Скотт, 2020) посвящены прежде всего моделированию некоей архетипической сути государственного строительства и контроля. Одновременно в работе «Искусство быть неподвластным» Скотт ставит вопрос уже не только о приспособленческих, но и о радикальных стратегиях противодействия государству со стороны упорно непокорных, принципиально безгосударственных групп населения, обитающих в труднодоступных для государственного контроля горных и пустынных ландшафтах, которых так часто принято именовать «нецивилизованными», «варварскими» народами (Скотт, 2017). В этой книге центральной темой оказывается традиционный анархизм обширной территории так называемой Зомия, расположенной в труднодоступных высокогорьях меж границ Индии, Китая, Бирмы и Вьетнама.

Наконец, недавно Джим Скотт опубликовал небольшую публицистическую книгу, вышедшую в русском переводе с провокативным названием «Анархия? Нет, но да!» (Скотт, 2019). Она представляет собой коллекцию размышлений о значении анархического взгляда на жизнь и соответствующего ему поведения, противостоящих современным государственно-бюрократическим правилам регулирования всего и вся.

Параллельно работе над этими монографиями профессор Скотт много лет читал курс по истории и теории анархизма для студентов Йельского университета.

Тема взаимоотношений государства и анархии, которую Джим Скотт так многопланово разрабатывал в последние двадцать пять лет, красной нитью проходит и через всю научную деятельность Александра Чаянова. Глубоко символично, что первая публикация в жизни восемнадцатилетнего студента Чаянова представляла собой эмоционально сочувственную рецензию на чрезвычайно популярное в начале XX века обозрение анархических теорий немецкого ученого П. Эльцбахера (Чаянов, 1906: 4).

Со времени Первой мировой войны и Русской революции вплоть до своего ареста Чаянов обращается к переосмыслению экспансии государственного изоляционизма (Чаянов, 2015: 42-56), приводящего к становлению и усилению авторитарных автаркий (Чаянов, 1920б). Одновременно во многих его работах анализируются и моделируются анархически спонтанные процессы самоорганизации населения снизу (Чаянов, 1918), на кооперативных началах самых разнообразных ассоциаций (Чаянов, 1920а: 6-12). Иронически фантастическому моделированию взаимодействия государства и анархии в значительной степени посвящена и знаменитая чаяновская крестьянская утопия (Чаянов, 1989б).

Суммируя основные интеллектуальные вехи и темы в творчестве Скотта и Чаянова, обратим внимание на изначальную увлеченность ученых исследованием проблем революционных трансформаций традиционных крестьянских стран и обществ в XX веке, в истории которых было два революционных пика. Один пришелся на первую четверть XX века — время молодости Чаянова, другой — на третью четверть XX века — время молодости Скотта. Рассмотрим, как из проблематики «крестьянство и революция» у Чаянова и Скотта возник исследовательский интерес к экспансии бюрократического государства.

Крестьянские революции и бюрократическая экспансия

В начале XX века наступило великое социальное пробуждение не только русского, но и мирового крестьянства — подавляющей части всего человечества (Shanin, 1990). Параллельно с Первой и Второй русскими революциями, которые по своим базовым, внутренним движущим силам были прежде всего крестьянскими (Данилов, 1996: 4-23), происходили великие крестьянские революции в Мексике, Иране, Китае (Wolf, 1973).

После Первой мировой войны во многих молодых странах Восточной Европы, прежде всего в Болгарии, Югославии, Чехословакии, к власти приходят радикально настроенные крестьянские партии. В 1920-е годы создаются два интернациональных политических объединения крестьянских партий: прокоммунистический советский Крестьянский интернационал и умеренно реформистский европейский Зеленый интернационал (Jackson, 1966).

В экономической, социальной, культурной сферах широких слоев крестьянства также происходят революционные изменения. Массовое образование в деревне и успехи агрономической науки, распространяющей основы рационального ведения хозяйства среди крестьян, стремительный рост крестьянских кооперативов, расширение сельского самоуправления — все это способствовало пробуждению, по словам, Т. Шанина, того крестьянского «Великого незнакомца», ради развития которого многие выдающиеся умы — от ученых Александра Чаянова и Питирима Сорокина до поэтов и писателей Сергея Есенина и Андрея Платонова — создавали свои программные мировоззренческие произведения, которые можно отнести к движению аграризма, противопоставлявшего себя урбанизму и индустриализму (Bruisch, 2014).

Что же произошло потом? Со второй половины 1920-х годов все явственнее поднимается волна политической и экономической реакции против самостоятельных и самодеятельных революционно-реформистских массовых крестьянских движений. На смену революционно-демократическим крестьянским правительствам Европы приходят авторитарные, даже фашистские режимы, которые тем не менее в своей идеологии делают ставку на консервативное крестьянство, связанное с традиционными ценностями патриархального образа жизни и поддерживающее реакционный политический порядок (Никулин, 2020а: 171-192).

К этому времени в США, как и в СССР побеждает подход тотальной индустриализации сельского хозяйства, подчинения крестьянских и фермерских хозяйств новостроящимся «фабрикам зерна и мяса». Ситуация отягчается начавшимися катастрофами Великой депрессии в США и ужасами Великого перелома в СССР (Никулин, 2020б).

Почти по всему миру к этому времени усиливается экспансия авторитарных бюрократических государств, стремящихся проводить автаркическую консервативную политику. Именно этой экспансией воинствующих авторитарных бюрократий были прерваны и подавлены крестьянские революционно-реформистские движения, связанные с поиском новых альтернативных путей развития человечества. А затем подготовка к новой мировой войне, сама война, послевоенная разруха на пару десятилетий заставили мир основательно позабыть о крестьянских альтернативах развития.

Новая волна надежд крестьянских альтернативных революций, связанная прежде всего с крушением международной колониальной системы, поднимается по всему миру в 1960-1970-е годы, во многом совпадая с первыми успехами аграрно-технологической «зеленой революции». Именно к этому времени за рубежом

вновь открывается забытое и запрещенное в России наследие школы А. В. Чаянова (Shanin, 2009: 83-101). Идеи Чаянова и идеологов аграризма 1920-х годов становятся чрезвычайно популярными полвека спустя. Но кроме переоткрытия старого, стремительно формируются действительно новые и плодотворные интеллектуальные направления социальных исследований, получившие названия *developing studies* (социология развивающихся обществ) и *peasant studies* (крестьяноведение). Они связаны с работами таких известных ученых, как Роберт Редфилд, Эрик Вульф, Болеслав Галецкий, Теодор Шанин и, конечно, Джим Скотт.

Казалось, что именно теперь всемирное крестьянство развивающихся стран получает уникальную возможность созидания справедливых, устойчиво модернизирующихся обществ, но что-то опять пошло не так — вновь крестьянские революции и движения стали подавляться, регулироваться разрастающимися национальными бюрократиями государств, а затем и наднациональными бюрократиями корпораций. Здесь лучше всего обратиться к биографической рефлексии о духе этого времени самого Джима Скотта.

«Я заинтересовался анархистской критикой государства, потому что потерял всякую надежду на революционные изменения. Это обычно и чувствовали люди, политическое сознание которых сформировалось в Северной Америке 1960-х годов. Для меня и для многих других эта эпоха стала кульминацией того, что можно назвать влюбленностью в крестьянские народно-освободительные войны.

На некоторое время меня полностью захватили эти утопические грезы. Я трепетно и, как теперь ясно, наивно наблюдал за референдумом о независимости Гвинеи при Ахмеде Секу Туре, за panaфриканскими инициативами президента Ганы Кваме Нкрумы, за первыми выборами в Индонезии, за обретением независимости Бирмой (ныне Мьянма) и первыми выборами в этой стране, где я провел год, и, конечно же, за земельными реформами в революционном Китае и общенациональными выборами в Индии...

Мне внезапно открылось (странно, что я не понял этого раньше), что практически любая масштабная и успешная революция заканчивалась созданием государства, куда более могущественного, чем то, которое она разрушила, и способного отныне выжимать из народа, которому должно было служить, гораздо больше и контролировать его намного жестче...

Политику Запада в отношении бедных стран в годы холодной войны тоже нельзя было рассматривать как наглядную альтернативу «реально существующему социализму». Режимы и государства, правившие железной рукой в условиях жесточайшего неравенства, приветствовались в качестве союзников по борьбе против коммунизма...» (Скотт, 2019: 3-5).

Возвращаясь к Чаянову, отметим, что и он, осмысливая итоги великой Русской революции, к концу 1920-х годов пришел к выводу о роковом возрастании бюрократического гнета советского государства в развертывающейся форсированной коллективизации. Под огнем беспощадной партийно-бюрократической критики ему пришлось публично отречься от разработок самоуправленческих коопера-

тивно-крестьянских планов сельского развития и заняться проектированием гигантских государственных аграрных предприятий — совхозов. Один из зарубежных исследователей чаяновского творчества Л. Чертков ссылался на некие глухие сведения о том, что «Чаянов по специальному заданию Сталина написал в конце 1920-х книгу «Автаркия» — изолированное государство» (Чертков, 1982: 24). Книга эта до сих пор нигде не найдена и скорее всего слух о ней является лишь некоей зловещей легендой. Впрочем, источники этих слухов могут корениться в идеях опубликованных гораздо раньше работах Чаянова — еще времен Первой мировой войны, Революции и Гражданской войны. В них уже тогда Чаянов пророчески моделировал некоторые схемы экспансии аграрно-бюрократических государств.

И Скотт, и Чаянов каждый в свое время столкнулись с проблемой бюрократического государства, стремящегося «оседлать» крестьянскую революцию, и, как полагается настоящим ученым, они обратились к возможным глубинным первоисточкам этого феномена. На этом пути из знаменитых крестьяноведа им пришлось стать своеобразными государствоведами. В результате Джим Скотт обосновал историко-антропологическую гипотезу происхождения древних автаркических государств, а Александр Чаянов предложил экономико-математическую модель изолированного государства-острова. Историческая гипотеза Скотта и логическая модель Чаянова архетипов государственности определенным образом взаимно дополняют друг друга.

Древние автаркические государства по Скотту

В своей последней монографии о возникновении древнейших государств, базирясь прежде всего на новейших исторических исследованиях Древней Месопотамии, Джим Скотт осуществил основательный пересмотр многих привычных мнений о происхождении государственности.

«Если приравнять цивилизацию к государству, а архаическую цивилизацию — к оседлости, земледелию, домашней усадьбе, орошению и городам, то придется признать, что наша историческая хронология в корне неверна. Все эти достижения неолита существовали задолго до того, как мы обнаруживаем нечто похожее на государство в Месопотамии.

Имеющиеся сегодня данные заставляют признать, что зачаточные формы государственности возникли благодаря сочетанию запасов зерна с рабочей силой, которое сложилось в позднем неолите и стало объектом контроля и захвата... это сочетание было единственным материалом, который подходил для строительства государств» (Скотт, 2020: 139).

Используя данные историко-антропологических исследований Дженнифер Пурнелл, Скотт описывает первые месопотамские города как своеобразные острова посреди болотистых равнин Месопотамии, чьи водные пути являлись прежде всего транспортными артериями, а уж затем оросительными каналами (Pournelle, 2003: 28).

Вот из некоторых таких городов при определенных обстоятельствах и стали возникать первые государства. Именно в них происходила исторически специфическая и уникальная концентрация рабочей силы, сельскохозяйственных земель и продовольствия. Этой сконцентрированной триаде Скотт дает название — «неолитический агрокомплекс», который и оказывается первоосновой возникновения государств.

При этом Скотт подчеркивает, что здесь недостаточно учитывать лишь краткое веберовское определение государства как территориально-политической единицы, монополизировавшей право на насилие. Скотт развивает определение государства как института, в котором прежде всего существует слой чиновников, занимающихся калькуляцией налогообложения с подвластного населения, подчиняющихся одному правителю или властвующей группе. По Скотту, государство является аппаратом исполнительной власти в уже достаточно сложных, стратифицированных иерархических обществах с разнообразным разделением труда. Далее он уточняет, что некоторые авторы включают в неперенные атрибуты государства армию, оборонительные сооружения — стены, идеологический ритуальный центр — дворец, а также, как правило, царя или царицу (Скотт, 2020:141).

Таким образом, Скотт признает, что процесс возникновения и развития первых государств был нелинейным, неодномоментным, прерывисто постепенным. Он полагает, что под самые общие критерии государственности — определенная территория с границами-стенами, особый госаппарат чиновников, собирающих налоги — подпадает действительно первое известное нам месопотамское город-государство Урук, точно существовавшее уже к 3200 году до н.э. А с 3200 по 2800 год до н.э. возникает целое созвездие таких городов-государств на Ближнем Востоке.

Скотт подчеркивает, что хотя некоторые исследователи дают им пышные наименования первых «великих цивилизаций», на самом деле эти государства были совсем невелики, так что за один день возможно было дойти из их столицы до окраинной границы. Тем не менее первые городские стены в мире, построенные именно в Уруке, окружали площадь примерно в 250 га, а это в два раза превышало площадь классических Афин спустя 3000 лет. От себя добавим, что площадь Московского Кремля составляет 27,5 га — почти в 9 раз меньше площади обнесенного стенами Урука. Численность населения среднего шумерского города-государства, например, Абу Салабиха, по исчислениям историков составляла приблизительно 10 тыс. человек. И этот город контролировал вокруг себя сельскую периферию в радиусе примерно в 10 км. Его превышал по населению и по размерам примерно в 3–5 раз все тот же самый могущественный среди шумерских государств Урук.

Скотт, соглашаясь с данными современных исторических антропологов, полагает, что древние, еще фактически безгосударственные, деревни-города стали трансформироваться в первые города-государства, превращая местное население в своих подданных прежде всего благодаря происходившему изменению климата. Так, с 3500 по 2500 год до н.э. зафиксировано резкое снижение уровня моря

и, соответственно, уменьшение объема воды в Евфрате. Усиливающаяся засуха иссушала болота, среди которых находились местные поселения. Если раньше их жители могли заниматься не только земледелием, но как охотники и собиратели пользоваться для своего потребления самой разнообразной и обильной флорой и фауной болотистой дельты реки, то теперь они были вынуждены концентрироваться вокруг оставшегося русла и нескольких притоков Евфрата, где аллювиальные почвы особенно благоприятны для интенсивного земледелия. Именно на этих территориях население достигло значительной концентрации, а так как уже без ирригации и регулирования воды и земли невозможно было обойтись, то именно тогда и стали формироваться города-государства, при помощи барщины и труда рабов, сооружающих все более разветвленную сеть искусственных каналов. Недостаток воды не только для относительно вольного образа жизни охотников и собирателей бывшей болотистой дельты, но даже для собственно формирующихся новых массовых слоев земледельцев усиливал такой тип урбанизации, при котором около 90% населения города-государства проживало примерно на 30 гектарах земли. Так возникали и развивались своеобразные зерно-человеческие модули — идеальные формы для государственного строительства.

Скотт приходит к выводу, что в этих условиях высокая концентрация зерна и рабочих рук на плодородных аллювиальных почвах способствовала росту стратификации и неравенства в городах-государствах. Формирование их ядра господства заключалось в расширении государственного контроля за интенсификацией зернового производства и расширением ирригационно-транспортной инфраструктуры.

Экономический фундамент древних государств Ближнего Востока и Средиземноморья — это выращивание злаковых культур, прежде всего пшеницы и ячменя, в Юго-Восточной Азии — риса, а в Доколумбовых империях Америки — кукурузы. И в этих «зерновых» государствах злаковые культуры были не только главным источником пищевого рациона, но также единицей налогообложения и основанием аграрного календаря, определяющим мировоззренческий и повседневный порядок жизни людей.

Скотт подчеркивает особую глубинную связь государства и зерна, поскольку именно злаковые могли стать удобной и эффективной основой налогообложения. Их урожай так легко увидеть, оценить, конфисковать, поделить, распределить, складируют, в этом он фиксирует важнейший смысл контроля иерархической пирамиды чиновников и сборщиков налогов. Остальные сельскохозяйственные культуры могут обладать какими-то другими важными питательными и прочими достоинствами, но большинству из них присущ главный недостаток — с ними больше проблем и неопределенности для государства с точки зрения тотального контроля над продовольствием и людьми.

От месопотамских городов-государств и далее до царств Древнего Египта, Китая и Рима — прежде всего зерно и контроль над ним — основа политэкономии древних государств.

«Если зерно и, соответственно, поступление налогов заканчивалось, государственная власть начинала разрушаться. Могущество древнекитайских царств держалось только на пахотных землях в бассейнах Желтой реки и Янцзы... Территория Римской империи, невзирая на все ее имперские амбиции, не очень выдавалась за границы зоны зернового земледелия» (Скотт, 2020:158).

Древние государства, в основу своего существования положившие контроль над эколого-экономическими зерновыми модулями, к тому времени сконструировали для своей защиты крепостные стены, а также разработали письменность, прежде всего фиксирующую бюрократическо-зерновое делопроизводство контроля над землей, водой, зерном и рабочей силой.

При этом, подчеркивает Скотт, стены служили не только для обороны от соседних городов-государств или от набегов каких-то безгосударственных варваров, но также и для удержания внутри самих стен жестоко эксплуатируемых земледельцев и рабов, часто пытавшихся сбежать из этих первых в мире «райских» резерваций государственности. А письменность, естественно и прежде всего, служила основой для бюрократического контроля над зерном и трудом этих агроэкологических модулей.

Далее Скотт отмечает, что эти первые древние государства были чрезвычайно хрупкими институциональными образованиями. Метафорически он сравнивает их рост и распад с процессом построения акробатической пирамиды непрофессиональными акробатами-школьниками: «Если же вопреки всем препятствиям пирамида готова, включая вершину, то аудитория, затаив дыхание, следит за тем, как она подрагивает и раскачивается, предвидя ее неизбежное крушение... Если развить эту метафору немного дальше, то можно сказать, что сегменты пирамиды по отдельности достаточно стабильны... Однако создаваемая ими сложная структура оказывается шаткой и склонной к разрушению. Неудивительно, что она быстро распадается, удивительно, что ее вообще смогли создать» (Скотт, 2020: 147).

Эти первые «пирамиды» государственности страдали от многих дефектов как природного, так и социального характера. Невероятная скученность находящихся под насильственным контролем людей вперемешку с хозяйством их одомашненных животных приводила к опасным вспышкам массовых эпидемий, фатально выкашивавших с таким трудом собранную под одной крышей авторитарной государственности концентрацию людей. Неумеренные преобразования природы в виде экспансии сети ирригационных сооружений оборачивались непредвиденными экологическими катастрофами, связанными с гибелью лесов и наступлением пустынь. Наконец, частые войны за рабов, территории и господство как между первыми городами-государствами, так и внутри них самих приводили к новым чудовищным социально-политическим катастрофам. Археологи до сих пор продолжают озадаченно разгребать останки этих стремительно возникавших, а затем так же быстро исчезающих в небытие древнегосударственных агрокомплексов.

От этих шумерских парадоксов раздувания и лопанья среди знойных болот Месопотамии первых «пузырей» власти государственности веет ужасом мистического вопрошания ведьм холодных шотландских болот «Макбета»:

«Земля, как и вода, содержит газы — И это были пузыри земли. Куда они исчезли?» (Шекспир)

Так возникали и исчезали подобно вулканическим островам-оазисам среди болот и пустынь душных междуречий земли первые государства.

Может возникнуть соблазн упрекнуть Джима Скотта в географическом детерминизме зерновых автаркий, в чем-то схожем с географическим детерминизмом гидравлических деспотий Карла Виттфогеля (Wittfogel, 1957). Но все же между концепциями развития древних государств у этих двух ученых имеются принципиальные различия. В отличие от Виттфогеля, подчеркивающего прежде всего тотальную мощь этих древних «тысячелетних рейхов», Скотт обращает внимание на перманентную хрупкость и уязвимость, присущую этим городам-государствам. Виттфогеля мало интересуют безгосударственные и антигосударственные формы внутри и снаружи этих государственных автаркий, а Скотт уделяет значительное внимание именно разнообразным формам так называемого безгосударственного варварства, отмечая, как часто автаркические цивилизации просто не могут существовать без внутренней и внешней теневой экономики варварства (Никулин, 2012: 17-33). Наконец, Карл Виттфогель проводит историко-аналитические параллели между гидравликой древних деспотий и технократией коммунистических режимов XX века, а Джим Скотт в своей концепции фокусируется на изначальной архетипичности «зерен» бюрократии месопотамских автаркий при любых формах государственности.

Если Скотт попробовал реконструировать исторически первые образцы автаркической государственности, то Чаянов попытался сконструировать ее первичные абстрактные модели.

Абстрактные автаркические государства по Чаянову

Александр Чаянов в годы Первой мировой войны был командирован царским правительством в Среднюю Азию для экспертизы возможностей государственного регулирования ирригационного сельского хозяйства в пустынях междуречья Сырдарьи и Амударьи. По результатам этой поездки через пару лет он опубликовал в нескольких номерах журнала «Вестник сельского хозяйства» свои экономико-математические очерки по теории водного хозяйства.

В основе чаяновской экономико-математической модели находится «мыслимое изолированное государство — оазис, все земледелие которого построено на орошаемых землях» (Чаянов, 1917: 5). Три тысячи лет спустя после деятельности шумерских чиновников по оптимизации управления водой, землей и людьми для

конструирования жизни агромодулей изолированных оазисов-государств Чаянов, в сущности, задается все теми же вопросами аграрной политики: определения «вредных» и «полезных» сельскохозяйственных продуктов, водных тарифов и земельных налогов с точки зрения некоего верховного государственного контролера, который «поощряя государственно-полезные растения, может увеличивать хозяйствам, их культивирующим, подачу воды и понижать плату за воду.

Обратно изгоняя вредные с народно-хозяйственной точки зрения культуры, он может сокращать отпуск воды и увеличивать плату за воду...

Подобная система активной водной политики требует очень большой осведомленности, достаточной осторожности и в то же время решительности и организации постоянного контроля и наблюдения за разбором и ведения хозяйства» (Чаянов, 1917: 11).

Эти чаяновские экономико-математические «водные» очерки носят исключительно абстрактно-теоретический характер, в них нет упоминаний конкретных среднеазиатских оазисов и рек, крестьян и чиновников. В основе чаяновских экономико-математических графиков, схем, рисунков водного хозяйства обнаруживается маржиналистский абстрактно-пространственный подход к описанию феномена города-государства, впервые разработанный в книге немецкого аграрника экономиста Иоганна фон Тюнена с его знаменитым экономико-математическим анализом модели «Der isolierte Staat».

Чаянов очень хорошо знал тюненовскую методологию, умел и любил применять ее. Именно в НИИ сельскохозяйственной экономики, создателем и первым директором которого являлся Чаянов, был осуществлен перевод и подготовлен к изданию трактат Тюнена (Тюнен, 1926). К модели Тюнена Чаянов обращался до и после Русской революции, и в еще более обобщающе абстрактном контексте, чем водное хозяйство города-оазиса.

С началом Первой мировой войны, находясь, безусловно, под впечатлением от разрыва мировых хозяйственных связей и расширяющейся автаркизации различных регионов мира, Чаянов публикует глубоко теоретическую статью, опять же в духе Тюнена, под названием «Проблема населения в изолированном государстве-острове» (Чаянов, 1915: 42-56). Шесть лет спустя он доработает, расширит этот текст и издаст в виде отдельной брошюры «Опыты изучения изолированного государства» (Чаянов, 2021: 1-36).

Если в центре тюненовской модели стоит проблематика оптимального выбора размещения производства сельскохозяйственных культур в центрально-периферийном пространственном контексте города-государства, то в чаяновской модели находится регулирование занятости сельско-городского населения в абстрактно-изолированном государстве. И вновь, с первых страниц чаяновского трактата, у нас непроизвольно могут возникнуть ассоциации с опытами реконструкции логики государственного контроля древних государств по Скотту.

Чаяновский текст начинается следующим допущением: «§ 1. I. Представим себе некое изолированное государство с единым городом-рынком в его центре, при-

чем в отличие от тюненовского изолированного государства, окруженного беспредельно плодородной равниной, наше государство примем лежащим на острове...» (Чаянов, 1917: 2). Далее Чаянов описывает эту модель с такими уточняющими параметрами: площадь острова составляет 10 млн десятин плодородной земли (этот остров чуть меньше площади острова Куба. — А. Н.). Здесь один-единственный пищевой продукт А удовлетворяет все человеческие потребности в пище в размере «400 пудов в год на работника и связанных с ним домочадцев» (Чаянов, 1917: 3).

Так Чаянов фактически доводит до абстрактно-логического конца ту самую универсальную питательную культуру по Скотту, которая в древних государствах монокультуривировалась в зависимости от региона в виде пшеницы, риса или кукурузы в целях редуccionистского удобства государственного контроля.

Но Чаянов идет в своих государственных абстракциях еще дальше, предполагая, что в изолированном государстве-острове производится только единственный продукт городской промышленности Т, удовлетворяющий все другие человеческие потребности человека в количестве 10 пудов при неизменной производительности труда. Далее сообщается, что производство аграрного продукта А происходит по законам убывающего плодородия почвы, при этом транспортные издержки равны нулю, а средства и орудия производства изготавливают сами производители. Кроме того, в этой стране нет частной собственности, но в ней чрезвычайно быстро растет население. В конце первой главы допускается, что эта страна может «входить в сношение с другими странами, отличающимися от нее по степени густоты населения» (Чаянов, 1917: 14).

Чаянов, конечно, признает, что выдуманная им система хозяйственной жизни «до крайности упрощенная» (Чаянов, 1917: 17). Несмотря на это, далее он очень уверенно начинает оперировать собственными предложенными условиями, стремясь ответить на целый ряд вопросов, связанных с центральной проблемой — исследованием изменений степени интенсивности земледелия во взаимодействии города и села в данной абстрактно утопической стране. Через разветвленную сеть таблиц и графиков, напоминающих своими рисунками каналы древних государственных деспотий, он победоносно приходит к выводу о первенстве сельского (крестьянского) хозяйства в его соревновании с городской экономикой.

Вторая часть чаяновской работы начинается с введения в нее ряда дополнительных условий, несколько преодолевающих упрощения главы первой. Так, признаются транспортные издержки и появляется частная собственность на землю. Кроме крестьянских в этой модели теперь присутствуют и капиталистические хозяйства. Территория острова увеличилась до 25 млн десятин (это уже чуть больше, чем остров Англия). К тому же это изолированное государство разделяется на пять концентрических зон, при этом оговариваются конкретные транспортные издержки для сельского продукта А и городского Т.

Затем опять следует каскад таблиц и графиков, варьирующих различные альтернативы взаимодействия трудовых и капиталистических хозяйств. В параграфе 17 предполагаются даже серьезные политические осложнения: «Примем, что не-

большая группа граждан нашего города силою оружия или каким-то иным способом овладевает другим таким же островом, как их родина, и устанавливает на ней режим частной собственности на землю. При этом они получают возможность переселять к себе на остров избыточное население с первого острова, благодаря чему оно наводняет второй остров в качестве наемных рабочих, которым дают ту же заработную плату, как и на первом острове» (Чаянов, 1917: 30).

При любых разнообразно абстрактных условиях и вытекающих из них вариантов как в первой, так и во второй главе в своих выводах Чаянов всякий раз демонстрирует, как в его утопическом маргиналистском государстве-острове (и даже государствах-островах) трудовое земледельческое население возрастает, а городское население и капиталистическое хозяйство уменьшаются, вопреки очевидным социально-экономическим реалиям XX века.

На наш взгляд, этот затейливый маргиналистский трактат о взаимоотношениях города и села в некоей абстрактной автаркии-острове является своеобразным аналогом интеллектуальной аграрно-экономической «игры в бисер» в духе притчи-романа Германа Гессе — игры с выигрышем для села и крестьян, и проигрышем для города и капиталистов. И здесь мы должны также обратить внимание, что, хотя в этой модели совершенно не рассматривается политико-административное устройство чаяновского государства-острова, предлагаемая Чаяновым сеть калькуляционных категорий изолированного государства могла бы привести в организационно-административный восторг всякого квалифицированного бюрократа — от шумерского Ура, до советского Госплана. Возможно, именно эта работа Чаянова стала источником легенды о том, что Сталин заказал ему политико-экономический трактат «Автаркия» (Nikulin, 2011: 211-219).

Впрочем, политико-экономической критике государств Нового и Новейшего времени и Скотт, и Чаянов посвятили гораздо больше своих работ, чем исследованию древних и абстрактных автаркий. Эта критика осуществлялась в связке с рассмотрением иных социальных сил и институтов, автономных от государства, а если и взаимодействующих с государством, то непременно при сохранении своей собственной свободы и логики действий, часто объяснимых с точки зрения анархического мировоззрения и действия.

Государство и анархизм Джима Скотта

Скотт в своих работах дал определение и исследовал логику провалов планов современных государств последних трех веков в связи с роковым совмещением в их политике трех ключевых составляющих: «высокого модернизма», могущества современного государства, а также ослабленности гражданского общества. Солидаризируясь в целом с определением Д. Харви «высокого модернизма» как «веры в линейный прогресс, абсолютные истины и рациональное планирование идеального социального порядка при стандартных условиях знания и производства» (Harvey, 1989: 35), Скотт приводит в своих сочинениях немало примеров, ко-

гда государства, а порой и крупные капиталистические корпорации смело брались за решение амбициозных и неизведанных задач, оборачивавшееся порой впечатляющими катастрофами.

Излюбленный пример Скотта — история внедрения научно-промышленного лесоводства в Европе еще в конце XVIII века. Скотт анализирует научные представления того времени о природе и лесе. В знаменитой энциклопедии Дидро лес определяется как экономический ресурс, полностью подчиненный фискальной и коммерческой логике, логике прибыльности. Англоязычный понятийный аппарат XVIII века делит обитателей леса на «чистых» и «нечистых» с точки зрения дохода. Естественно, количество «чистых» надо приумножать, а «нечистых» (на языке XVIII века, «дряни») сокращать (Скотт, 2005: 18). Более всего в тотальном претворении в жизнь такого отношения к лесу продвинулась Германия. Ее ученые и лесники поставили перед собой задачу преобразовать древнехаотическое лесное скопище в новую форму леса, состоящего из геометрически точных рядов нормализованных деревьев, которые обеспечивают максимальную и стабильную доходность. На протяжении почти всего XIX столетия немцы пунктуально (по таблицам) вычищали свой лес. Немецкая школа научного лесоводства служила западным исследователям эталоном переустройства лесных пространств от Норвегии до Северной Америки.

Действительно, первые поколения деревьев регулярного германского леса демонстрировали наивысшую древесную стать и прочность, из них извлекалась соответствующая внушительная прибыль. А через поколение рост леса и соответствующий ему рост прибыли резко пошли на спад. Германский лес стал гибнуть на корню и весь. Административное лесоводство, упрощающее и стандартизирующее природу, привело к катастрофе. После этого немцам вновь пришлось стать пионерами, но уже в деле ликвидации лесных коммерческо-административных амбиций. Новыми поколениями ученых создавалась наука «лесной гигиены», предусматривающая специальное разведение в лесу (ради его сохранения) всяческой животной и растительной «дряни» (птиц, насекомых, растений), бесполезной с точки зрения просветительского бизнес-администрирования.

Другой показательный лесной пример Скотта относится уже к началу XX века, когда знаменитый автомобильный король Генри Форд решил обеспечить каучуком производство шин для собственных автомобилей. Форд взял в аренду территорию в лесах бассейна Амазонки размером с американский штат Коннектикут и там решил основать свою Фордландию — страну, где массово выращиваются каучуковые деревья для производства автомобильной резины. Вообще-то в естественных условиях Амазонки каучуковые деревья произрастают, но весьма разреженно, среди остального потрясающего биоразнообразия тропических лесов. Форд же постарался заложить обширные регулярные плантации каучуконосов по образцу английских и голландских плантаций в Юго-Восточной Азии. Но в Юго-Восточной Азии такие плантации были возможны потому, что там не было таких вредителей и врагов каучуконосов, которые обитали в Амазонии. За несколько лет

плантации Форда были уничтожены множеством местных болезней и вредителей, несмотря на все усилия фордистских плантаторов, применявших даже дорогостоящие тройные прививки для защиты здоровья каучуковых деревьев. Истратив миллионы долларов на этот проект, внося различные изменения в его менеджмент, преодолевая протесты рабочих, в конце концов Форд был вынужден прекратить свою бразильскую авантюру (Скотт, 2019: 51-53).

Но, пожалуй, самыми ужасающими и амбициозными проектами государств «высокого модернизма» левого толка стали «великие переломы» советской коллективизации и «большие скачки» китайских коммун, обернувшиеся катастрофическими многомиллионными жертвами великих бюрократических планов. В целом Скотт характеризует программу крупного аграрно-индустриального производства в большевистской России как советско-американский фетиш «высокого модернизма». Ради воплощения в жизнь этой теории в России 30–50-х годов XX века развивались специфические формы высокомодернистского крепостничества. В сельской местности сформировались обширные «государственные ландшафты контроля и присвоения» (Скотт, 2005: 278). Лишь массовое явное и скрытое сопротивление российского крестьянства авторитаризму «высокого модернизма» ограничило и до неузнаваемости изменило первоначальные замыслы.

Как бы подводя итог всем своим многочисленным и впечатляющим примерам «наломанных дров» энергичной государственной деятельности различных политических направлений, Скотт выносит вердикт: «На протяжении последних двух столетий привычные устои рушились с такой скоростью, что следовало бы называть это их массовым вымиранием — чем-то сродни ускоренному исчезновению видов. Причина этого вымирания аналогична биологической: утрата мест обитания... главный виновник — не что иное как, государство, в частности, современное государство, заклятый враг анархистов. Его развитие и повсеместное распространение вытеснило, а затем и уничтожило множество прежних форматов политического устройства: рода, племена, вольные города и их союзы, общины и империи. На их месте теперь повсюду лишь одна форма политического устройства — сформировавшееся в XVIII веке североатлантическое национальное государство, притворяющееся универсальным» (Скотт, 2019: 64).

Повсюду, отмечает Скотт, мы видим привычные символы государственности: государственные флаг и гимн, государственные театры и оркестры, глав государств и парламенты, центральные банки, регулярность деятельности министерств и органов безопасности и так далее. Такой стандартный формат управления распространили в свое время колониальные империи и соответствующее им «модернистское» подражание. В настоящее время подобную стандартизацию лоббируют наравне с государствами и международные организации — Всемирный банк, МВФ, ВТО, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, Международный трибунал — их главная задача заключается в распространении повсюду норм «передового опыта» государств. Заодно подобную работу по стандартизации всего и вся проводят и транснациональные корпорации с их космополитической атмосферой единой

для бизнеса нормативно-правовой законодательной базы. Скотт предполагает, что уже в недалеком будущем любой представитель международного бизнеса сможет сесть в самолет и, оказавшись в любой точке земного шара, окунуться во все те же ему хорошо знакомые государственно-корпоративные правила управления социумом, лишь разбавляемые колоритом местной кухни и музыки, но так же широко использующих рекламу.

В этой связи Скотт ставит тревожный вопрос о возможном из-за исключительных успехов распространения повсюду разнообразных форм государственного контроля истощении способностей людей и общин к независимости и организации. По его мнению, задолго до Фуко анархист Прудон хорошо сказал о том, что «...управляться — значит быть все время под присмотром, контролем, наблюдением, внушением, пропагандой и цензурой, выслушивая приказы существ, не обладающих ни знанием, ни добродетелью. Управляться — значит на каждом шагу, при всяком поступке, и в любой деятельности подвергаться учету, подсчету, оценке, порицанию, запретам, внесению в списки, определению стоимости, переделкам и правкам» (Скотт, 2019: 14). Так, государство и рынок в последние десятилетия часто стремятся определять многообразие различных форм человеческой деятельности через калькуляцию и оценку величины так называемого «человеческого капитала» — весьма абстрактного понятия, но наполняемого все более конкретной эмпирикой государственного контроля.

Солидаризируясь в других местах своих сочинений с различными взглядами анархистов, например, с идеями Михаила Бакунина и Льва Толстого, Скотт замечает, что сам он так и не обзавелся неким цельным анархистским мировоззрением. Но именно сквозь призму анархистского взгляда, полагает Скотт, возможно увидеть как в истории народных движений и революций, так и в политической рутине государств нечто, недоступное с иных точек зрения.

По Скотту, анархизм растворен и укоренен в повседневном поведении людей, даже никогда не думавших об анархизме и не занимавшихся какой-либо политической деятельностью. Скотту импонирует анархистская снисходительность к суете и внезапности, а также анархистская убежденность в значимости ситуативного сотрудничества и взаимных компромиссов.

О самом себе Скотт говорит как о «стороннике “процессо-ориентированного” анархистского взгляда, иначе называемого практическим анархизмом» (Скотт, 2019: 4), который стремится отстаивать свою позицию посредством политики конфликтов и дискуссий, с учетом окружающей нас неопределенности, скептически относясь к всякого рода систематизированному сциентизму любых идеологических направлений.

При этом Скотт, в отличие от множества анархистских мыслителей, не считает, что государство всегда и везде является врагом свободы. В этой связи он предлагает, например, вспомнить, как именно государство в лице представителей национальной гвардии США в 1957 году сопровождало идущих в школу чернокожих детей, защищая их от толпы разъяренных белых. Впрочем, полагает Скотт,

такая возможность у государств — иногда становиться на защиту свободы своих граждан — появилась лишь за последние двести лет, после Великой Французской революции и с распространением понятий демократического гражданства, всеобщего избирательного права, расширившегося впоследствии для женщин, рабов, представителей меньшинств. И все же государство, по Скотту, чаще угрожает свободе, чем защищает ее. Впрочем, кроме государства можно упомянуть и о других институтах, с незапамятных времен угрожавших свободе, например, связанных с рабовладением, бесправием женщин, войнами и разбоем.

«Анархист» Скотт является противником фундаменталистского рыночного анархизма, ведущего к поляризации людей на богатое меньшинство и бедное большинство. Именно из-за него «демократические институты сами в большой степени стали товаром, и тот, кто больше заплатит, тот и сможет их купить» (Скотт, 2019: 9). И пока интеллектуалы обсуждают, при каком уровне неравенства демократия все еще не превращается в фарс, мир уже давно вступил в эпоху некоей фарсокрации, ибо «демократия без *относительного* равенства — это жестокий обман» (Скотт, 2019: 9).

В этих условиях, полагает Скотт, как теоретически, так и практически не стоит уничтожать государство, надо как-то уживаться с этим Левиафаном, не оставляя попыток приручить его, хотя вряд ли это людям вполне удастся. Публицистическая книга Скотта «Анархия? Нет, но да!» фактически являет собой пеструю коллекцию анархистских притч-фрагментов о человеческих достоинстве, осмысленном труде и иронии, в спонтанных проявлениях здравого смысла противостоящих государственно-бюрократическим правилам жизни.

В этом смысле чаяновское мировоззрение, пусть и почти столетней давности, определенно оказывается близким анархистскому мировоззрению Джима Скотта.

Государство и анархизм Александра Чайнова

Чаянов, как и Скотт, неоднократно признавался в своих анархистских предпочтениях, по крайней мере до тех пор, пока в Советской России их можно было высказывать открыто. Чайнов, как и Скотт, является «аморфным» анархистом, без собственной четко систематической анархистской теории, но непременно поминующим с сочувствием своих наиболее любимых анархистских мыслителей. Разница, пожалуй, заключается в их персональных предпочтениях. Если Скотт чаще всего ссылается на Прудона и Бакунина, то Чайнов предпочитает упоминать имена Уильяма Морриса и Петра Кропоткина. Так, например, выступая в 1918 году на II съезде ВСНХ, Чайнов заявил: «Моя анархо-идеология более близка к идеологии Кропоткина...» (Савинова, 2022: 44). В личной беседе об анархизме с Джимом Скоттом автор этой статьи спросил, кто ему ближе из великих русских анархистов: Бакунин или Кропоткин. Скотт ответил: Бакунин.

Обращаясь к практико-ориентированным вопросам сравнений анархистских взглядов, надо признать, что у обоих ученых, кроме их богатого университетско-

академического есть и опыт активной вовлеченности в общественную жизнь, связанный в том числе и с конфликтным противостоянием государству. Но если у Скотта это преимущественно опыт левого активиста, участвовавшего в различных движениях протеста, например, против войны во Вьетнаме или репрессий авторитарного режима в Бирме, то Чаянов был заметным общественным и государственным деятелем времен Русской революции, связанным не только с разработкой и экспертизой аграрных и кооперативных реформ, но и с попытками их осуществления на практике.

Чаянов, так же как и Скотт, никогда не придерживался радикально анархистских взглядов, не разделял идей ликвидации государства как такового. Напротив, он неоднократно писал о важном значении в прогрессивных социальных преобразованиях именно государства. Другое дело, что так же, как и Скотт, Чаянов приводит в своих сочинениях историю картофельных провалов государства, например, при Петре, Фридрихе, Екатерине Второй вплоть до Николая Первого, увлеченных просветительским распространением посадок картофеля среди крестьян, приводивших в результате к массовым антикартофельным крестьянским бунтам и протестам.

И тем не менее Чаянов — анархист по духу, в решающие моменты истории все-таки определенно становился государственным деятелем. Например, во время аграрных реформ Русской революции он последовательно выступал за национализацию земли, а в ходе форсированной коллективизации принял активное участие в проектировании крупных государственных аграрных предприятий — совхозов.

Другое дело, что Чаянову пришлось жить и работать не в демократической Америке, а в авторитарных царской и советской России, где государственным деятелем приходится порой становиться не от хорошей жизни (Савинова, Чаянов, 2020). Однако и в таких условиях Чаянов решал фактически ту самую задачу, о которой пишет Скотт: приручения государственного Левиафана к осознанию важности и даже поддержке свободных общественных ассоциаций.

Это особенно ярко проявилось в деятельности Чаянова в 1917 году, когда он активно участвовал в решении сложнейших задач преодоления социально-экономических кризисов, так называемых продовольственного и аграрного вопросов. Уже в 1916 году из-за дезорганизации российской экономики и транспорта в условиях затянувшейся мировой войны стали проявляться проблемы в городах, связанные с перебоями поставок продовольствия. Как известно, в феврале 1917 года ситуативным детонатором падения царского режима явилось в значительной степени народное недовольство из-за растущих хлебных очередей Петрограда.

В своей работе «Продовольственный вопрос», написанной в апреле 1917 года, Чаянов подробным образом проанализировал, как государство в 1915–1917 годах своими непродуманными и противоречивыми бюрократическими мерами фатально подорвало продовольственное снабжение страны. Одновременно государство ревниво, почти до самого своего падения, не подпускало негосударственные общественные институты земского самоуправления и коопера-

ции к участию в разрешении накопившихся продовольственных трудностей. Чаянов в ряде своих работ 1917 и 1918 годов попытался обрисовать собственную теоретико-мировоззренческую картину социальной эволюции общества. Признавая, что государство, как и рынок, является могучей социальной силой, оказывающей глубочайшее воздействие на социальную жизнь, он поставил вопрос о возникновении и возрастании третьей силы, так называемого *организованного общественного разума*, состоящего прежде всего из различных негосударственных, нерыночных самоуправляющихся союзов, объединений, ассоциаций, все увереннее берущих на себя обязательства, которые ранее ассоциировались исключительно с функционированием рынка или государства. «Организованный общественный разум», вбирая в себя определенные элементы как государственного, так и рыночного регулирования, оказывается даже чем-то большим и важным, чем государство и рынок сами по себе. В этом «разуме» прежде всего рефлексировался поток стихийной социальной эволюции и формулируются предложения, предпринимаются действия по ее общественному, ненасильственному регулированию в определенном компромиссном согласии с рынком и государством.

Одной из важнейших задач, стоявших перед «организованным общественным разумом» России в 1917 году, по Чаянову, была демократизация распределения национального дохода страны в интересах роста производительности труда и национального благосостояния. Чаянов призывал ключевых представителей «общественного разума» России начала XX века — земских деятелей и кооператоров, выражающих интересы крестьянства, объединиться в созидании свободных и демократичных, эффективных и устойчивых форм развития революционной страны. Если же земско-кооперативная общественность не сможет справиться со стоящими перед ней задачами организации и самоорганизации страны, тогда, предсказывал Чаянов, Россию ожидает погружение в хаос разрухи и выход из нее иными, скорее всего государственно-диктаторскими средствами.

Тревожные предчувствия Чаянова сбылись в полной мере. Хотя уже обширная, но политически неопытная и недостаточно организованная земская и кооперативная общественность не смогла сплотиться в эффективную массовую организацию, проигрывая в 1917–1918 году более искушенным, сплоченным, авторитарным профессиональным политическим организациям, среди которых большевики оказались поразительно успешными, энергично занявшись преодолением кризиса и развитием страны, но методами преимущественно насильственного огосударствления всего и вся.

В последующих своих работах Чаянов назвал политэкономический идеал, к построению которого стремились большевики, строем государственного коллективизма. Государственный коллективизм, по его мнению, характеризуется отказом ориентироваться на рыночные экономические стимулы, заменяя их стимулами высоко сознательной работы или внеэкономического принуждения. Кроме того, не доверяя все тем же рыночным товарно-денежным отношениям, государствен-

ный коллективизм стремится вернуться к первоосновам натуральной безденежной экономики, но непременно под эгидой центрально организованного планирования.

Разочаровавшись в своих надеждах на силу «организованного общественного разума», Чаянов публикует в 1920 году ироничную фантастическую сказку «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», предлагая в ней своеобразные анархистские альтернативы экспансии государственного коллективизма с его верой в скорую победу мировой коммунистической революции.

В чаяновской крестьянской утопии мировая коммунистическая революция действительно побеждает где-то уже к началу 1920-х годов, своими декретами стремясь упразднить даже институт семьи, но, впрочем, это ненадолго. Вскоре в результате нового круговорота войн, разрушивших коммунистический «Мирсовнархоз» из-за так и не исчезнувших национализма, коррупции и личностных амбиций политических вождей, мир ко второй половине XX века распадается на несколько достаточно автаркических социально-экономических систем со своими регионально-культурными особенностями политической и экономической жизни.

Загадочно необъяснимым образом в результате некоего сна-обморока главный герой утопической повести — высокопоставленный коммунистический чиновник попадает из бюрократическо-коммунистической Москвы 1922 года в анархическо-крестьянскую Москву 1984-го. Там он убеждается, что возможны иные формы некоего кооперативно-государственного анархизма, почти во всем противостоящие принципам государственного коллективизма. В этой крестьянско-кооперативно-утопической России противоречия между городом и селом преодолены в пользу органичного высококультурного сельско-городского образа жизни. Эта утопическая страна крепка массовым низовым слоем крестьянских семей, самоуправлением местных общин и разнообразием кооперативных ассоциаций. Ей присуща затейливая комбинация местных властей традиционных политических мастей, при которой, например, «в Якутской области у нас парламентаризм, а в Угличе любители монархии завели “удельного князя”, правда, ограниченного властью местного совдепа, а на Монголо-Алтайской территории единолично правит “генерал-губернатор” центральной власти» (Чаянов, 1989б: 197). Однако все это скорее старинные декорации бывших грозных вертикалей властей вплоть до, конечно, сохраненного традиционного величия московского Кремля.

Ибо как поясняет один из жителей этой утопии: «...мы совершенно почти разгрузили государство от всех социальных и экономических функций, и рядовой обыватель с ним почти не соприкасается.

Да и вообще мы считаем государство одним из устарелых приемов организации жизни, и 9/10 нашей работы производится методами общественными, именно они характерны для нашего режима; различные общества, кооперативы, съезды, лиги, газеты, другие органы общественного мнения, академии и, наконец, клубы — вот та социальная ткань, из которой слагается жизнь нашего народа как такового» (Чаянов, 1989б: 198).

В многоукладной и мультикультурной чаяновской утопии бережно сохранено все — даже государство и капитализм, но их роль не является такой же всепоглощающей и все подавляющей, как в нашей реальной жизни. Государство, например, сохраняя монополию на землю, леса, природные ресурсы в целях поддержания справедливого доступа всех граждан к распределению национальных богатств, не занимается повседневным мелочно-бюрократическим контролем всего и вся, а проявляет себя лишь изредка, только в случаях необходимости поддержания социального порядка, при этом ведя себя всегда безукоризненно вежливо. А предпринимательский гений капиталистов по-прежнему может реализовывать себя в этой утопии, но достигаемая ими сверхприбыль облагается драконовскими налогами в целях демократического выравнивания доходов всех граждан Москвы-1984.

Определенно, чаяновская московская утопия столетней давности до сих пор остается примером для «американской мечты» Джима Скотта о прирученном анархистами Левиафане. Да и сам Скотт признает, что идеи чаяновской утопии чрезвычайно дороги его уму и сердцу.

Заключение

Проведенный анализ эволюции ключевых тем научных исследований Джима Скотта и Александра Чайнова, связанных с понятиями крестьянства, революции, государства и анархии, подводит нас к обобщающей попытке реконструкции понимания ими общества и динамики его развития.

Очевидно, что оба ученых являются антипрогрессистами в смысле отрицания предзаданной однолинейности развития человеческого общества — от низших к некоей наивысшей социальной форме. Такой мировоззренческой картине мира Чайнов противопоставлял в своей работе «К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства» понимание эволюции общества как причудливого динамического движения конгломерата больших и малых социально-экономических форм, находящихся к тому же часто меж собой в неформальном симбиотическом взаимодействии. Причем для этого конгломерата чрезвычайно важна историческая инерция существования до конца не изжитых, не исчезнувших, в том числе и древних, социальных форм и отношений.

Исходя из такой точки зрения становится более понятным, почему, например, Скотт и Чайнов, успешно занимавшиеся историческим и логическим анализом «уходящего в прошлое» крестьянства, предприняли также попытки моделирования истории возникновения и логики функционирования государств, как правило, в связи с конгломератным и симбиотическим взаимодействием государства с мирами домохозяйств и общин крестьян (и не только крестьян), а в случае исследований Скотта и с домохозяйствами охотников-собирателей, кочевников и прочих «варваров».

Чайнов был убежден, что подобного рода историко-логические реконструкции древних фундаментов социальных и политических отношений и различных социальных форм могут иметь и вполне прагматические результаты: «Исследова-

ние, пусть даже напоминающее любительское собирательство древностей, могло бы стать весьма существенным: будучи своеобразной экономической палеонтологией, оно не только способствовало бы сравнительному анализу существующих экономических структур, но и сослужило бы хорошую службу достижению практических целей экономической политики» (Чаянов, 1989а: 116).

Такая исследовательская позиция, безусловно, родственна и исследовательской логике Теодора Шанина, который в своей модели маятника — колебаний государства и рынка и эксплоярных (неформальных) экономик — предпринял попытку вставить в современный политический и социальный контекст историко-логические изыскания А. Чаянова и Дж. Скотта. В модели Шанина представлен конгломерат различных симбиотических социальных форм, находящихся в современном политэкономическом контексте под гипертрофированным давлением двух глобальных социальных институтов современности — рынка и государства (Шанин, 1999: 545-554).

А где же во всех этих больших и малых, древних и современных социальных конгломератах и симбиозах социальных форм и институтов проявляет себя столь дорогая сердцу Чаянова и Скотта анархия? С точки зрения их мировоззрения — анархия как повседневная и непредсказуемая спонтанность проявления человеческих чувств, замыслов, дел и отношений растворена, укоренена как внутри, так и меж границ формальных структур и взаимоотношений социальных институтов. Хорошим историко-социологическим подтверждением такой точки зрения может явиться историко-социологическое исследование «Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине» (Блюм, 2006). Его автор, французский историк А. Блюм, реконструируя на материалах личных дел, хранящихся в архивах, биографии сотрудников таких государственных учреждений, как ЦСУ и Госплан СССР, выяснил, насколько часто даже у них складываются жизненные ситуации анархических решений, взаимодействий, течения дел. И такого рода анархия, по Чаянову и Скотту, может являться необходимым условием сохранения очагов свободы человеческого выбора. Революции, предоставляя уникальные возможности для созидания новых социальных отношений справедливого и свободного миропорядка, часто погибали из-за узурпации и трансформации их анархического наследия правящими бюрократически постреволюционными элитами. Но история с ее анархически непредсказуемыми сюжетами продолжается... И потому осуществленные двумя учеными междисциплинарные исследования в области своеобразной палеонтологии и футурологии крестьянства и революции, государства и анархии остаются чрезвычайно актуальными для современной науки и политики.

Литература

- Блюм А. (2006). Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН.
- Данилов В. П. (1996). Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. / Конференции «Крестьяне и власть». Москва-Тамбов. С. 4–23.

- Никулин А. М. (2012). От одомашниваний в неолите к оседлости в империях: концепция истории борьбы между государством и варварами Дж.С. Скотта // Социология власти. № 4–5. С. 17–33.
- Никулин А. М. (2020). Аграрные идеологии фашизма среди альтернатив сельского развития 1920–1930-х годов // ЭКО. Т. 50. № 6. С. 171–192.
- Никулин А. М. (2020). Школа Чаянова: утопия и сельское развитие. М.: Издательский дом «Дело». РАНХиГС.
- Савинова Т. А. (2022). 1918 год в жизни А. В. Чаянова: кооперация, литературное творчество и анархизм // Крестьяноведение. Т. 7. № 2. С. 38–46.
- Савинова Т. А., Чаянов А. В. (2020). «...Мысль невольно ищет выхода из создавшегося положения, стремясь абсолютный недостаток сельскохозяйственных машин восполнить повышением коэффициента их использования» // Крестьяноведение. Т. 5. № 1. С. 84–92.
- Скотт Дж.С. (2005). Благими намерениями государства. М.: Университетская книга.
- Скотт Дж.С. (2017). Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство.
- Скотт Дж.С. (2019). Анархия нет, но да! / Пер. с англ. М.: Радикальная теория и практика.
- Скотт Дж.С. (2020). Против зерна. М.: Издательский дом «Дело».
- Тюнен И. Г. (1926). Изолированное государство. М.: Экономическая жизнь.
- Чаянов А. В. (1906). Рецензия на кн.: Эльцбахер П. Сущность анархизма (СПб., 1906) // Вятская жизнь. Вятка. № 133 (9 июля). С. 4.
- Чаянов А. В. (1915). Проблема населения в изолированном государстве-острове // Агрономический журнал. Харьков. № 2. С. 42–56.
- Чаянов А. В. (1917). Очерки по теории водного хозяйства // Вестник сельского хозяйства. № 49–50. С. 5–11.
- Чаянов А. В. (1918). Основные идеи и методы работы общественной агрономии. М.: Новая деревня.
- Чаянов А. В. (1920а). Государственный коллективизм и крестьянская кооперация // Кооперативная жизнь. № 1–2. С. 6–12.
- Чаянов А. В. (1920б). Проблема хозяйственного учета в социалистическом государстве // Экономическая жизнь. № 225 (9 октября).
- Чаянов А. В. (1921). Опыты изучения изолированного государства. М.: Гос. изд-во. С. 1–36.
- Чаянов А. В. (1989а). Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика.
- Чаянов А. В. (1989б). Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Венецианское зеркало: Повести. М.: Современник.
- Чертков Л. (1982). А. В. Чаянов как прозаик / А. В. Чаянов. История парикмахерской куклы и другие сочинения ботаника Х. NY.: RUSSICA PUBLISHERS. С. 3–24.
- Шанин Т. (1999). Эксплуатация экономики: политэкономия общественных обочин // Неформальная экономика. Россия и мир. / Под. ред. Т. Шанина. М.: Логос. С. 545–554.

- Bernstein H., Byres T.J.* (2011). From Peasant Studies to Agrarian Change // *Journal of Agrarian Change*. Vol. 1. №1. P. 1-56.
- Bruisch K.* (2014). *Als das Dorf noch zukunfft war: Agrarismus und expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion*. Köln: Böhlau.
- Harvey D.* (1989). *The condition of postmodernity: An inquiry into the origins of social change*. Oxford: Basil Blackwell.
- Jackson George D. Jr.* (1966). *Comintern and Peasant in East Europe (1919-1930)*. New York: Columbia University Press.
- Nikulin A.* (2011). Tragedy of a Soviet Faust: Chayanov and Central Asia 1917-1937 // *Soviet Era in Anthropology of Eurasia, Halle Studies*. Vol. 4. P. 211-219.
- Pournelle J.* (2003). *Marshland of Cities: Deltaic Landscapes and the Evolution of Early Mesopotamian Civilization*. University of California at San Diego. P. 28.
- Scott J. C.* (1976). *The Moral economy of the Peasant*. New Haven and London: Yale University Press.
- Scott J. C.* (1985). *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press.
- Scott J. C.* (1990). *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven: Yale University Press.
- Shanin T.* (1990). *Defining Peasants. Essays Concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from Them in the Contemporary World*. Oxford: Basil Blackwell.
- Shanin T.* (2009). Chayanov's treble death and tenuous resurrection: An essay about understanding, about roots of plausibility and about rural Russia // *Journal of Peasant Studies*. Vol. 36. № 1. P. 83-101.
- Uleri F.* (2019). Capitalism and the peasant mode of production: A Chayanovian analysis // *Russian Peasant Studies*. Vol. 4. № 3. P.43-60.
- Wittfogel K. A.* (1957). *Oriental Despotism; a Comparative Study of Total Power*. NY.: Yale University Press.
- Wolf E. R.* (1973). *Peasant Wars of the Twentieth Century*. London: Faber and Faber.

James Scott and Alexander Chayanov: From the peasantry through revolutions, to the states, and anarchies

Alexander Nikulin

PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. Address: Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, Russian Federation 119571
E-mail: harmina@yandex.ru

The author conducts a systematic comparative analysis of the scientific worldviews and key research ideas of the American political anthropologist James Scott and the Russian agrarian economist Alexander Chayanov, to show their similar interests in the study of peasant revolutions, state systems, and anarchist ideas. Based on the identified similarities and differences in the milestones of their

intellectual biographies, the author compares Scott's concept of the first ancient autarkic states with Chayanov's abstract economic-mathematical models of island-states. The article describes the contradictions and failures of modern projects for transforming the nature and society by state bureaucracies as revealed in the studies of Scott and Chayanov, and emphasizes the interest of both scholars in the potential of the anarchist epistemological and political ideas for the development of the scientific theory and political practice of interaction between society and the state. The author argues that Scott and Chayanov are not orthodox anarchists insisting on the complete disappearance of the state; they believe that the Leviathan statehood is impossible and, perhaps, not necessary to destroy. However, in their research, both Scott and Chayanov constantly raise questions about the ways to limit and weaken the power of the state bureaucracy with various forms of non-state public life associated with the anarchist ideas of self-organization, spontaneity, and freedom.

Keywords: J. C. Scott, A. V. Chayanov, peasantry, revolution, state, bureaucracy, human capital, autarchy, anarchy, utopia

References

- Bernstein H., Byres T.J. (2011) From Peasant Studies to Agrarian Change. *Journal of Agrarian Change*, vol. 1, no 1, pp. 1-56.
- Bloom A. (2006) *Byurokraticheskaya anarhiya. Statistika i vlast' pri Staline* [Bureaucratic Anarchy. Statistics and Power under Stalin], Moscow: ROSSPEN.
- Bruisch K. (2014) *Als das Dorf noch zukunfft war: Agrarismus und expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion*, Köln: Böhlau.
- Chayanov A. (1989b) Puteshestvie moego brata Alekseya v stranu krest'yanskoj utopii [The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia]. *Venecijskoe zerkalo* [Venetian Mirror], Moscow: Sovremennik, pp. 161-208.
- Chayanov A.V. (1906) Recenziya na kn.: El'cbaher P. Sushchnost' anarhizma [Book Review Elzbacher P. The Essence of Anarchism] *Vyatka life*, Vyatka, no 133 (July 9), p. 4.
- Chayanov A.V. (1915) Problema naseleniya v izolirovannom gosudarstve-ostrove [The Problem of Population in an Isolated Island State]. *Agronomic journal*, Kharkiv, no 2, pp. 42-56.
- Chayanov A.V. (1917) Ocherki po teorii vodnogo hozyajstva [Essays on the Theory of Water Management]. *Bulletin of agriculture*, no 49-50, pp. 5-11.
- Chayanov A.V. (1918) *Osnovnye idei i metody raboty obshchestvennoj agronomii* [Basic Ideas and Methods of Social Agronomy], Moscow: New village.
- Chayanov A.V. (1920a) Gosudarstvennyj kollektivizm i krest'yanskaya kooperaciya [State Collectivism and Peasant Cooperation]. *Cooperative life*, no 1-2, pp. 6-12.
- Chayanov A.V. (1920b) Problema hozyajstvennogo ucheta v socialisticheskom gosudarstve [The Problem of Economic Accounting in a Socialist State]. *Economic life*, no 225 (October 9).
- Chayanov A.V. (1921) *Opyty izucheniya izolirovannogo gosudarstva* [Experiences in the Study of an Isolated State], Moscow: State publishing house, pp. 1-36.
- Chayanov A.V. (1989a) *Krest'yanskoe hozyajstvo* [Peasant Economy], Moscow: "Economics".
- Chertkov L. (1982) A.V. Chayanov kak prozaik. A. V. Chayanov. *Istoriya parikmaherskoj kukly i drugie sochineniya botanika X* [A.V. Chayanov as a Prose Writer. The History of the Hairdressing Doll and Other Works of the Botanist X], New York: RUSSICA PUBLISHERS, pp. 3-24.
- Danilov V.P. (1996) *Krest'yanskaya revolyuciya v Rossii, 1902-1922 gg.* / Konferencii «Krest'yane i vlast'» [Peasant revolution in Russia, -1902-1922 / Conference "Peasants and Power"], Moscow-Tambov, pp. 4-23.
- Harvey D. (1989) *The condition of postmodernity: An inquiry into the origins of social change*, Oxford: Basil Blackwell.
- Jackson George D. Jr. (1966) *Comintern and Peasant in East Europe (1919-1930)*, New York: Columbia University Press.
- Nikulin A. (2011) Tragedy of a Soviet Faust: Chayanov and Central Asia 1917-1937. *Soviet Era in Anthropology of Eurasia. Halle Studies*, vol. 4, pp. 211-219.
- Nikulin A.M. (2012) Ot odomashnivanii v neolite k osedlosti v imperiyah: koncepciya istorii bor'by mezhdu gosudarstvom i varvarami Dzh. S. Skotta [From Neolithic Domestication to Imperial

- Settlement: J. S. Scott's Conception of the History of Struggle Between State and Barbarians]. *Sociology of Power*, no 4–5, pp. 17–33.
- Nikulin A. M. (2020) Agrarnye ideologii fashizma sredi al'ternativ sel'skogo razvitiya 1920–1930-h godov [Agrarian Ideologies of Fascism among Alternatives to Rural Development in the 1920s–1930s.]. *EKO*, vol. 50, no 6, pp. 171–192.
- Nikulin A. M. (2020) *Shkola Chayanova: utopiya i sel'skoe razvitie* [The Chayanov School: Utopia and Rural Development], Moscow: Delo Publishing House. RANEPА.
- Pournelle J. (2003) *Marshland of Cities: Deltaic Landscapes and the Evolution of Early Mesopotamian Civilization*, University of California at San Diego, p. 28.
- Savinova T. A. (2022) 1918 god v zhizni A. V. Chayanova: kooperaciya, literaturnoe tvorchestvo i anarhizm [1918 in the life of A. V. Chayanov: Cooperation, Writing and Anarchism]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 2, pp. 38–46.
- Savinova T. A., Chayanov A. V. (2020) "...Mysl' nevol'no ishchet vyhoda iz sozdavshegosya polozheniya, stremyas' absolютnyj nedostatok sel'skohozyajstvennyh mashin vospolnit' povysheniem koefficienta ih ispol'zovaniya" ["...The Mind Involuntarily Seeks a Way out of the Situation and Tries to Fill the Absolute Scarcity of Agricultural Machinery with the Increasing Utilization Rate"]. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 1, pp. 84–92.
- Scott J. C. (1990) *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*, New Haven: Yale University Press.
- Scott J. S. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva* [Well Intentioned], Moscow: University book.
- Scott J. S. (2017) *Iskusstvo byt' nepodvlastnym* [The Art of being Invincible], Moscow: New publishing house.
- Scott J. S. (2019) *Anarhiya net, no da!* [Anarchy no, but yes!], Moscow: Radical theory and practice.
- Scott J. S. (2020) *Protiv zerna* [Against the Grain], Moscow: Delo Publishing House.
- Scott J. C. (1985) *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*, New Haven: Yale University Press.
- Scott J. C. (1976) *The Moral economy of the Peasant*, New Haven and London: Yale University Press.
- Shanin T. (1990) *Defining Peasants. Essays Concerning Rural Societies, Expolar Economies, and Learning from Them in the Contemporary World*, Oxford: Basil Blackwell.
- Shanin T. (1999) *Ekspolyarnye ekonomiki: politekonomiya na obochine / Neformalnay Economica. Rossia i Mir*. [Expolar Economies: Political Economy on Margins / Informal economy. Russia and the World]. (Ed. by Teodor Shanin), Moscow: Logos, pp. 545–554.
- Shanin T. (2009) Chayanov's treble death and tenuous resurrection: An essay about understanding, about roots of plausibility and about rural Russia. *Journal of Peasant Studies*, vol. 36, no 1, pp. 83–101.
- Tyunen I. G. (1926) *Izolirovannoe gosudarstvo* [Isolated State], Moscow: Ekon. life.
- Uleri F. (2019) Capitalism and the peasant mode of production: A Chayanovian analysis. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 3, pp.43–60.
- Wittfogel K. A. (1957) *Oriental Despotism; a Comparative Study of Total Power*. NY: Yale University Press.
- Wolf E. R. (1973) *Peasant Wars of the Twentieth Century*, London: Faber and Faber.